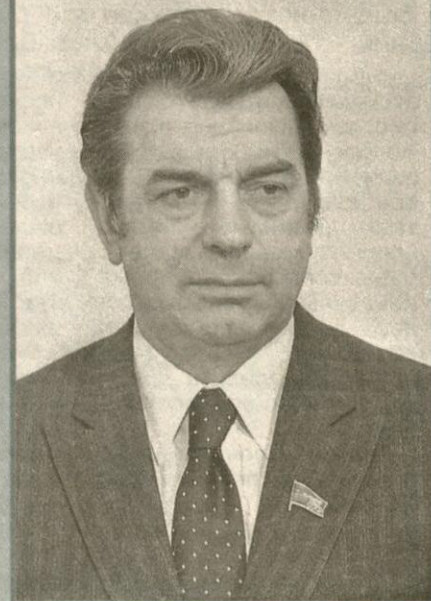

ВЫЗОВ

Владимир Игнатьевич Бровиков в воспоминаниях, документах, комментариях

Чем больше задумываешься о жизни и смерти Владимира Бровикова, драматических, а порой и трагических изгибах его судьбы, тем яростнее чувствуешь волю, мужество и интеллект этого человека — сочетание редкостных качеств, оказавшихся, увы, не до конца востребованными в его время... В 1974 году, когда Владимир Игнатьевич работал в аппарате ЦК КПСС, о нем было сказано: «Еще молодой, а какой настойчивый. А главное — ни под кого не подлаживается...» Тогда Бровикову было 43 года, для престарелого Политбюро возраст младенческий! Забегая вперед, замечу: такую оценку он оправдал всей своей последующей жизнью и деятельностью: всегда имел свою собственную точку зрения, даже если она отличалась от общепринятой или той, которой придерживалось начальство или большинство...

заться еще от одного принесшего нам немало бед в прошлом порока, когда мы своих высших руководителей со всей смелостью и отвагой критиковали лишь после их физической или политической смерти. Почти убежден, что все, кого касается моя сегодняшняя критика, так же как и те, кто по старинке еще занимается подхалимажем, тут же отнесут меня к «бетону». У нас ведь принято уже, что в «перестройщики» зачисляются те, кто подпевает, а те, кто критикует, нарекаются консерваторами».

Владимир Игнатьевич понимал: критики недостаточно, нужно что-то предлагать... И вот конкретное предложение: «Снять из платформы положение о президенте, о председателе и заместителях в партии, так как не в этих должностях суть и не в том, какие мы кабинетные революционеры новые проведем. Дело в том, как будет действовать партия, какую политику она будет проводить, какие цели преследовать».

На такой высокой ноте Бровиков и закончил свое выступление на пленуме ЦК. Предложения четкие, логичные, но все понимали: все это — глас вопиющего в пустыне. Не услышали... Не захотели услышать!

Вторая попытка

Да, все понимали: плетью обуха не перешибешь. Конечно, чувствовал это и Бровиков: его предложения, увы, повисли в воздухе. Вот почему на очередном пленуме ЦК, состоявшемся почти через месяц, что само по себе свидетельствовало о его чрезвычайности, он снова попросил слова...

«Долго колебался: выступать ли мне сегодня после того выступления, которое было в феврале. И все-таки озабоченность судьбой партии заставляет меня участвовать в разговоре, — на этот раз Владимир Игнатьевич для своей речи взял иной, чем прежде, ключ: как выполняются решения предыдущего, XXVII съезда партии. — Давайте наложим то, что он решал, на то, что у нас выходит на деле. И мы легко заметим, что мы свернули с пути, начертанного съездом, получили не те результа-

тупление — очень серьезные обвинения...» Владимир Игнатьевич, судя по всему, слегка опешил, но быстро собрался с мыслями: «Я считаю, Михаил Сергеевич, что было бы не лишне, если бы члены Политбюро, кандидаты по своей компетенции отчитались за те провалы, которые допущены после XXVII съезда». — «Это все?» — спросил Горбачев. «Ну, может быть, и все, но и этого уже достаточно...» — отвечал Бровиков.

Позже, через десятилетие, я узнал, что Владимир Игнатьевич немного лукавил: в выступлении было далеко не все, что он хотел и мог сказать. На последней, не оглашенной с трибуны странице выступления было предложение исключить и вывести из состава Политбюро Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева «за измену интересам советского народа и предательство партии». Предлагалось также распустить Политбюро ЦК как «не справившееся с выполнением решений XXVII съезда КПСС и допустившее политическую беспринципность и капитулянтство» и т.п. Почему же это не прозвучало с трибуны? Сробел, струсил? Думаю, тут был трезвый расчет. За столь кардинальные предложения, по собственным прикидкам Бровикова, могло проголосовать 55–60 человек из 540 членов и кандидатов в члены ЦК и членов ревкомиссии, а вот за исключение «смутьяна» из партии — все 480. Ну, может, десятка два и воздержались бы...

На заре...

Родился Владимир Бровиков в 1931 году на Гомельщине, в городе

Не услышали...

Особенно ярко проявилась бескомпромиссная, жесткая позиция Владимира Игнатьевича в феврале—марте 1990 года на двух состоявшихся подряд пленумах ЦК КПСС, где он, будучи членом ЦК и послом в Польше, по сути, дважды бросил вызов всей тогдашней партверхушке.

Надо вспомнить то время. Великая страна рушилась, ее экономика находилась в кризисе, полки магазинов были пусты, стремительно росли цены. На окраинах державы уже пылали кровавые конфликты. Было очевидно: нужны кардинальные перемены в деятельности партии и государства. Понимало ли это руководство страны? Безусловно, между тем острейшие проблемы замалчивались.

На февральском (1990 г.) пленуме ЦК обсуждался проект платформы к предстоящему тогда съезду партии. «Возмутителем спокойствия» стал Владимир Бровиков. Попросив слова, он подверг резкой критике проект: «В том виде, как он представлен, вряд ли приемлем и нуждается в серьезной доработке».

ственной работы, а тем, как нас оценят господа на Западе...»

Думаю, тут нужна оговорка. Пусть простит меня выскателный читатель за обильное цитирование выступления моего героя, но ведь многие, быть может, впервые о нем слышат. А тут что ни пассаж, то не в бровь, а в глаз...

«Мы как-то стараемся все доказать, что народ за перестройку, — проводил Бровиков. — Но позволю себе спросить: за какую? Не за ту ли, которая за неполные пять лет вернула страну в

пучину кризиса, подвела ее к черте, у которой мы лицом к лицу столкнулись с разгулом анархии, деградацией экономики, grimасой всеобщей разрухи и падением нравов... Утверждать в этой ситуации, что народ «за», что все это ему по нраву, по меньшей мере, политически некорректно, — и, апеллируя к замершему залу, добавил: — Да что тут говорить, вы и сами знаете, товарищи...»

Но «товарищи», затаив дыхание, молчали. Они и сами видели и чувствовали: оратор прав, однако у большинства из них не хватало ни смелости, ни решимости сказать об этом вслух. Бровиков между тем продолжал размышлять о «перестройке» — любимом детище Гор-

На последней, не оглашенной с трибуны странице выступления было предложение исключить и вывести из состава Политбюро Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева «за измену интересам советского народа и предательство партии».